

УДК 82

***ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
"ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ"***

Евлоева М.Х-А.

магистрантка,

Ингушский государственный университет,

Магас, Россия

Точиева Х.Ш.

к.ф.н., профессор

Ингушский государственный университет,

Магас, Россия

Аннотация: В данной статье рассматривается роман Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание" в контексте идейных течений 60-70х годов XIX века, таких как рационализм, нигилизм и социализм. Особое внимание уделяется анализу образа Родиона Раскольникова как героя-идеолога, выражающего опасные, по мнению Достоевского, тенденции современности. Исследуются моральные искания самого автора, его приверженность гуманистическим идеалам и попытки предостеречь общество от последствий распространения радикальных идей. Обосновывается важность изучения исторического контекста художественного произведения для понимания глубины авторского замысла, его актуальности и пророческого потенциала.

Ключевые слова: справедливость, идеология, социальная несправедливость, философия, мораль, рационализм, нигилизм, социализм, Ф. М. Достоевский.

***THE IDEOLOGICAL CONTEXT OF F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
"CRIME AND PUNISHMENT".***

Evloeva M. Kh-A.

Master's student,

Ingush State University,

Magas, Russia

Tochieva Kh.Sh.

Candidate of Philological Sciences,

Professor Ingush State University,

Magas, Russia

Abstract: This article examines F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" within the context of the ideological trends of the 1860s-70s, such as rationalism, nihilism, and socialism. Particular attention is paid to the analysis of the character of Rodion Raskolnikov as an ideologue, expressing dangerous, according to Dostoevsky, tendencies of modern trends. The moral quests of the author himself, his commitment to humanistic ideals, and his attempts to warn society against the consequences of the spread of radical ideas are explored. The importance of studying the historical context of the artwork is substantiated to understand the depth of the author's intention, its relevance and prophetic potential.

Keywords: justice, ideology, social injustice, philosophy, morality, rationalism, nihilism, socialism, F. M. Dostoevsky.

Эпохой, определившей пафос творчества Достоевского, повлиявшей на его духовный и художественный облик, была эпоха 60-70 гг., т.е. пореформенная Русь, когда капитализм стал «действительной тенденцией экономического развития». Не только проблематика, но и поэтика произведений Достоевского

обусловлены этой переходной эпохой: писатель ищет пути изображения неустоявшейся, становящейся, текущей действительности. Достоевский стремится отразить сложнейшую духовную жизнь своих современников, уловить «идеи», которые носятся в воздухе», показать их перспективу, доводя в эксперименте до «логического конца» современные теории [2, с. 137].

Русские революционные демократы в это время решали в России задачи подобные тем, которые решались во Франции Просветителями в течение длительного времени. Рационалистические теории Раскольникова, Петра Верховенского напоминают проблемы, которые стояли перед деятелями Великой Французской революции. Якобинская диктатура захлебнулась в крови. Великие Просветители, апеллировавшие к Разуму, требовали безжалостного устранения всего, что противоречит установлению разумного государства. Но когда Якобинская литература стала осуществлять «Общественный договор» красным террором, общество ужаснулось и отшатнулось. Революция зашла в тупик. Страшный опыт Французской революции стоял перед писателем, ибо Россия в 60-е годы находилась в ситуации близкой к 1793 году во Франции. В прокламации «Молодая Россия» прямо говорится: «Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах». [9, с. 3]

В другой прокламации «К молодому поколению» говорилось: «Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом — пришлось бы вырезать 100 тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого». Таким образом, вопрос о нравственно-этической сущности террора, как метода общественного переустройства, становится самым волнующим для Достоевского-гуманиста [11, с. 2]

Роман «Преступление и наказание» написан в 1866 году — самый разгар экономического, политического и идейного брожения в России. Контекст социально-политических и философских идей эпохи 60-х годов России и Запада четко обозначен в романе: это идеи буржуазного индивидуализма Карлейля, М. Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Штирнера, Наполеона III, это и отголоски радикально-просветительской системы мышления идеи русского социализма и анархизма, теория и практика революционного террора. В. Я. Кирпотин справедливо считает, что теорию Раскольникова не следует соотносить только с одной философской темой или книгой – она представляет собой синтез многих философских и социальных идей времени. [8, с. 88]

Вообще общественное и идеологическое состояние Европы имело несомненное влияние на творчество Достоевского. Даже нашумевшие судебные процессы Европы находят отражение в его произведениях: например, дело Ласенера в романе «Преступление и наказание». Особенно широко использовал Достоевский европейскую философию в сложнейшей структуре своих зрелых романов, которые называют «экспериментальными» (Д.С. Мережковский), так как в них идет испытание и проверка очередной Идеи переделки мира.

Большое впечатление произвел на Достоевского Макс Штирнер, с книгой которого «Единственный и его собственность» он познакомился еще до каторги. Писатель был потрясен эгоцентризмом и нравственным нигилизмом философии Штирнера, являющейся, несомненно, мелкобуржуазной реакцией на развивающийся капитализм. Автор стремился оголить человека от пут государства, религии, морали: «Государство, религия, совесть – эти тираны делают меня рабом»; «Для меня нет ничего выше меня...»; «Вместо того, чтобы служить великим эгоистам, я лучше сам стану эгоистом. Я предпочитаю чтить самого себя» [12].

Книга Штирнера имела сильное влияние на современников, и несмотря на то, что была издана в 1844 году, оказалась особенно актуальной в 60-е годы. С книгой Штирнера, со свойственной ему страстностью, полемизировал Аполлон Григорьев на страницах журналов «Время» и «Эпоха» братьев Достоевских. Поэтому ничего неожиданного в полемическом обращении писателя к некоторым идеям Макса Штирнера нет. Книга Штирнера, как теоретическое обоснование животного эгоизма, представлялась Достоевскому очень опасной в

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

своем развитии и практическом преломлении. Предчувствия Достоевского оказались верными, чему доказательством служит философия Ф. Ницше и деятельность Гитлера.

В романе сказано, что до убийства старухи-процентщицы Раскольников написал статью «О преступлении» по поводу «одной книги». Этой книгой, как справедливо заметил Кирпотин В. Я., является «Единственный и его собственность» Макса Штирнера. [8, с. 167]

В статье дается обоснование права сильного или «необыкновенных людей» переступить закон (в том числе и нравственный), обязательный для всех обыкновенных людей. В романе решается центральный для многих социальных и философских учений вопрос о законности существующего строя и правах личности. В идеях Штирнера – смесь вульгарного социализма с крайним индивидуализмом и волюнтаризмом. Книга представляла опасность для подлинных социалистов с их мечтой о «братстве». По свидетельству Анненкова, Белинский «несколько раз при разных случаях и в разное время возвращался к Штирнеру и к его книге, растолковывая своим собеседникам и корреспондентам ошибочный, антиобщественный характер его идеи. Он критиковал безудержный аморализм Штирнера с точки зрения «разумного эгоизма», опиравшегося на теорию Фейербаха, учение утопических социалистов и проповедей Жорж Санд. Однако, в отличие от Белинского к истинному единению и братству людей, считал Достоевский, ведет только альтруизм и вера в Бога. Нравственный релятивизм, который лежит в основе теории Штирнера – вот самое опасное и уязвимое место, которое нащупал Достоевский, и опровержение которого сделал идейным центром своего романа «Преступление и наказание». [1, с. 43]

Героическая романтика Бунта против всего существующего с его индивидуалистическим анархизмом, протестом против капитализма объединяло учение Штирнера с социализмом – это нашло отражение в бунтарстве Раскольникова.

Бунт Раскольникова против действительности имеет глубоко социальную основу: безысходная бедность, унижение от квартирной хозяйки, страдание матери и сестры, чьи жертвы он должен принимать (а каково это любящему и гордому сердцу?). Добавим и беды извне: исповедь Мармеладова, встреча с обещанной девочкой на Конногвардейском бульваре, судьба Сони, Дуни. Все это создает атмосферу социальной безысходности, крайней, невыносимой степени страдания, которая требует выхода «любой ценой». То есть не только Идея, но и среда имела определенное влияние на преступление Раскольникова. Однако, выход из безысходности Раскольников находит благодаря своей Идее: «Взять все за хвост и перетряхнуть к черту». Этот справедливый бунт Раскольникова против жестокой действительности создает вокруг него определенный ореол праведника, защитника униженных и оскорбленных. К тому же он действительно обладает великим сострадательным сердцем. Роман Достоевского буквально насыщен сценами, которые «рвут душу». Картины социальной безысходности создают тот страшный фон, на котором зарождается и развивается идея Раскольникова, столь же страшная и крайняя, как и родившая ее действительность [2, с. 381].

Справедлив ли бунт Раскольникова? Кто не ответит – Да? Ибо нет выхода и «надо же хоть что-нибудь делать». Протест против капиталистического Петербурга – этот социальный заряд романа – является прогрессивным и соответствует всем социальным учениям радикального толка. Достоевский солидарен с ними и своим учителем Белинским.

Жажда социальной справедливости привела Достоевского в молодости в кружок Петрашевского, где он увлекся идеями утопического социализма. Н.И. Пруцков указывает, что Достоевский в молодости был серьезно увлечен «поисками путей спасения человека и человечества». [10, с. 114]

Идеи теоретического социализма, по словам самого Достоевского, сравнивались многими его товарищами с «христианством и принимались лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации». Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Достоевский признавался, что был посвящен во всю правду и святость будущего коммунистического общества еще Белинским. «Влияние Дарвинов, Миллей, Фурье, Штраусов на современную молодежь, - отмечал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 год, - огромно, подчеркивая внимание последних к «русской стороне» их учений.

«Это смешное слово о «русской стороне их учений» пусть мне простят, единственно потому, что эта русская сторона их учений существует действительно. Состоит она в тех выводах учений в виде несокрушимых аксиом, которые делаются только в России: в Европе же возможность выводов этих, говорят, даже и не подозреваема». [4, с.258]

Нечаевщина на Руси, по мнению писателя, и есть русские выводы из учений мечтателей (так называет он социалистов-утопистов), которые были и человеколюбивы и нравственны. Увлечения идеями Запада в отрыве от своего народа, с «русскими выводами» приводит современную молодежь к бесовщине, в тупик. Страстное предупреждение о русских выводах социалистических идей европейских мечтателей было сделано Достоевским в романах «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы».

Достоевский сам прошел опыт иступленной веры в те «выводы», которые были сделаны его товарищами – петрашевцами из идей «великих мечтателей человечества». «Но то дело, - писал он в «Дневнике писателя» за 1873 год, - за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающими, мученичеством, за которое многое нам простится [4, с. 133]. Все эти идеи Достоевский назовет потом «фантастическими», книжными, головными, ибо рождались они в среде интеллигенции, оторванной от народа, незнающей его нужд, характера, души. Порфирий Петрович так говорит об идее Раскольникова: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое, когда цитируется фраза, что кровь «освежает», когда вся жизнь проповедуется в комфорте. Тут Дневник науки | www.dnevnikaui.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце; тут видна решимость на первый шаг...» [6, с. 259].

В статье «Мечты о Европе» в «Дневнике писателя» за 1876 год Достоевский пишет, что мечтатели-социалисты и мечтатели-позитивисты, заботясь об общей пользе для всех, выставляют вперед науку и ищут от нее всего, т.е. «нового единения людей и новых начал общественного организма, уже математически твердых и незыблемых». Вспомним теорию Раскольникова «об одной смерти и тысяче жизней взамен». «Но наука не в состоянии взяться за это дело сейчас, - утверждает писатель. Трудно представить, чтобы она настолько знала природу человеческую, чтоб безошибочно установить новые законы общественного организма». Задача эта «превышает силы науки, даже в будущем ее развитии», а пока наука сама за себя ответить не может, за нее отвечают «мечтатели», т.е. социалисты, которые управляют ею, а «мечтателями – всевозможные спекулянты». Те, кто подстегивали, торопили социальную революцию, создавая ей хрупкие, непроверенные жизнью «научные» подпорки, собственно были уже не сами мечтатели, а мошенники, как назовет себя Петр Верховенский в «Бесах» [4].

Материализм и позитивизм, взяв на себя доказывавшие возможность устроить человеческое общежитие по системе и закону, математически вычислив все «за» и «против», так же сыграли в «русских выводах» свою губительную роль. Достаточно вспомнить научное высокомерие Базарова – этого первого литературного типа русского нигилиста. Самоуверенность молодой еще науки, взвалившей на себя не свойственные ей функции общественного устроителя и целителя – это явление прекрасно схвачено Тургеневым в русской действительности и отражено в романе «Отцы и дети».

Достоевский в споре с лагерем революционной демократии многое утрировал, огрублял, но как великий художник и философ показал, что абстрактные доводы рассудка (как это происходит с Раскольниковым) либо неприменимы к общественным явлениям, либо приводят к бесчеловечным

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

выводам. Безграничное доверие Просветителей к доводам логики и расчета без учета и знания природы человеческой и без опоры на вечные, абсолютные законы нравственности, чревато, по мнению Достоевского, страшными ошибками [7].

Достоевский обладал редким пророческим даром, все его творчество обращено к будущему и он многое в нем предсказал. Он провидел русскую революцию в ее страшной, анархической, кровавой форме и обнажил в своих произведениях идейные истоки этой революции. Одной из стадий Русской идеи (по Н. Бердяеву) был нигилизм. [3, с. 225]

Истоки «Преступления и наказания» восходят по времени каторги Достоевского. 9 октября 1859 года он писал брату из Твери: «В декабре я начну роман... Не помнишь ли, я тебе говорил про одну исповедь-роман, который я хотел писать после всех, говоря, что еще самому надо пережить. На днях я совершенно решил писать его немедленно... Все сердце мое с кровью положится в этот роман. Я задумал его на каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения...» [5]

Но в 1859 году «исповедь-роман» не был начат. «Вынашивание» замысла продолжалось шесть лет. За эти шесть лет Достоевский написал «Униженные и оскорбленные», «Записки из Мертвого дома», «Записки из подполья». Главные темы этих произведений – тема бунта и тема героя-индивидуалиста – синтезировались затем в «Преступлении и наказании».

Убеждение в неравноценности людей – основное убеждение Раскольникова. Для него весь род человеческий делится на две неравные части: большинство, толпу обыкновенных людей, являющихся сырым материалом истории, и немногочисленную кучку людей высшего духа, делающих историю и ведущих за собой человечество.

На первый взгляд его рассуждения о двух разрядах логичны. Раскольников верит в свою «теорию» даже тогда, когда идет доносить на себя, даже после суда, на каторге. Но, несмотря на убеждение в своей правоте, он под влиянием Сони, ее правды принимает наказание за преступление, которого, по его убеждению не

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

совершал. Что-то высшее, чем доводы рассудка, побеждает его волю. Эта борьба заглохшей совести, протестующей против пролитой крови, и разума, оправдывающего кровь, и составляет душевную драму Раскольникова после преступления. Это и дорого Достоевскому.

Даже когда совесть, непонятный Раскольникову нравственный инстинкт – окончательно побеждает, когда Раскольников уже томится на каторге, разум его все не сдается и все отказывается признать свою неправоту. «И хотя бы судьба послала ему раскаяние – жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! Но он не раскаивался в своем преступлении... Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что он не вынес его и сделал явку с повинною». [8, с. 130]

Эта явка с повинною доказывала в его глазах не то, что его теория неверна, а то, что он сам не принадлежит к числу великих людей, которые могут преступать нравственные законы. «Уже если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? – так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон...»

И только на каторге, буквально на последней странице романа, в душе героя совершается переворот: он возрождается к новой жизни. Нравственное сознание победило. Таков выход из трагедии Раскольникова. Совесть, натура оказались сильнее теории. «В теории ошибка вышла», - говорит Свидригайлов Раскольникову.

Библиографический список

1. Анненков П.В. Литературные воспоминания. - М., 1960. С.348-350.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
3. Бердяев Н. «Миросозерцание Достоевского». - М., 1924. С. 225.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. - М., 1976-1977.

5. Достоевский Ф. М. Письма. Под редакцией А.С. Долинина. тт. 1-4, М.-Л., 1928-1999. Т.2. С.170.
6. Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: В 30 тт., Т.21, С.130.
7. Иванова А.А. Философские искания Ф.М. Достоевского. – М., 1995.
8. Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М.: Сов. Писатель. 1970. С. 68-70.
9. Заичневский П. Г. Молодая Россия. - Ред. Е.Л.Рудницкая. М., Археографический центр, 1997.
10. Пруцков Н.И. Утопия или антиутопия? //Достоевский и его время. Л., 1972. С.89-90.
11. Шелгунов. Н. В. К молодому поколению. - Хрестоматия по истории СССР. 1861 —1917 — М.: Просвещение, 1990. С. 112-115.
12. Штирнер М. «Единственный и его собственность». – М., 1844.

Оригинальность 75%